

Способы реализации максимы скромности в немецкой и русской лингвокультурах

Р. А. Газизов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: fund-lingua@rambler.ru

В статье проанализированы основные стратегии вежливости, при помощи которых функционирует максима скромности, регулирующая коммуникативное поведение адресанта и адресата в немецкой и русской лингвокультурах при выражении похвалы и самокритики. Выявлены наиболее распространенные средства вербализации коммуникативных стратегий вежливости, направленных на минимизацию похвалы в свой адрес и выражение умеренной самокритики как со стороны адресанта, так и со стороны адресата.

Ключевые слова: максима скромности, стратегия вежливости, адресат, адресант, похвала, самокритика.

В речевом общении принципиально важным является следование требованиям Принципа вежливости, основная цель которого заключается в поддержании социального равновесия, а также доброжелательных отношений между общающимися, в результате чего достигается взаимопонимание. Данный принцип, разработанный американским ученым Дж. Личем [1], так же как и принцип сотрудничества включает определенные максимы речевого общения, такие как максима такта (Tact Maxim), максима благородства, или великодушия (Generosity Maxim), максима одобрения (Approbation Maxim), максима скромности (Modesty Maxim), максима согласия (Agreement Maxim) и максима симпатии (Sympathy Maxim). В свою очередь, каждая максима имеет две субмаксимы. Рассмотрим область функционирования максимы скромности в коммуникативном поведении немцев и русских.

Как известно, анализируемая максима регламентирует использование речевых актов похвалы и самокритики, поскольку, согласно первой субмаксиме максимы скромности (похвала в свой адрес должна быть минимальной), адресант обязан минимизировать похвалу в свой адрес. В свою очередь, вторая субмаксима – самокритика должна быть максимальной – предписывает критиковать себя как можно больше. В концепции Дж. Лича максима скромности регламентирует лишь речевое поведение говорящего, согласно которой он должен минимизировать похвалу в свой адрес, т.е. не хвастаться, и критиковать себя как можно больше. Однако проявлять скромность в общении обязан также и адресат, что не было учтено Дж. Личем, т.е. позиция адресата осталась без

внимания, что отчасти явилось причиной для последующих исследований категории вежливости в целом и речевого поведения адресата, в частности.

Удачным в этом отношении является исследование Л. А. Азнабаевой, которая выводит максимум скромности для адресата, анализируя его конвенциональное реагирование на определенные речевые акты и действия говорящего, в частности, на похвалу, благодарность, просьбу, приглашение, утешение. В конечном итоге модифицированная максима скромности предполагает «преуменьшение адресатом своих качеств или заслуг» [2, 138].

Если рассмотреть субмаксимы скромности, регулирующие речевое поведение говорящих, можно установить, что преувеличенная похвала в свой адрес, как со стороны адресанта, так и со стороны адресата будет считаться хвастовством, что не соответствует принципу вежливости, а умеренная похвала, напротив, не нарушает максимум вежливости. Умеренной должна быть и самокритика.

В следующем примере похвала в свой адрес компенсируется указанием на объективное мнение, которое выражается в неопределенно-личной форме (*Man rühmt mir nach – Говорят*). В этом случае адресат прибегает к такой смягчающей оговорке, как к «ссылке на внешний источник информации» [3, 56]:

“Soll ich dir welchen machen?” fragte er.

“Kannst du das denn?” fragte ich.

“Man rühmt mir nach, daß ich einen sehr guten Kaffee mache”, sagte er. [4, 139].

– *Хочешь, я сварю тебе кофе? – спросил он.*

– *Разве ты умеешь? – удивился я.*

– *Говорят, что я делаю очень вкусный кофе, – сказал он. [5, 162–163].*

Такой стилистический прием, как литота, т.е. сочетание отрицания и лексических единиц с позитивным или негативным оценочным компонентом значения, часто используется при выражении похвалы в свой адрес. Литота является средством вербализации негативной стратегии преуменьшения количества признака или его истинности. Ср. русский пример, в котором адресат употребляет лексему *неплохо*:

“Wie wär’s denn”, sagte ich, “wenn Sie versuchen würden, mir ein Engagement zu besorgen, am Theater hier – Nebenrollen natürlich, Chargen kann ich gut spielen.” [4, 172].

– *А что, если бы вы, – сказал я, – раздобыли мне ангажемент в здешний театр? ... Конечно, на самые маленькие роли, я неплохо играю комических персонажей. [5, 203].*

Суть второй субмаксимы максимы скромности (самокритика должна быть максимальной), по Дж. Личу, сводится к необходимости выражения чрезмерной критики в свой адрес. Однако, самокритика, так же как и похвала в свой адрес, должна быть умерен-

ной и компенсироваться некоторыми стратегиями вежливости. Так, адресант во избежание нарушения принципа вежливости обязан прибегать к так называемым стратегиям самоуничтожения, например, напрашивания на комплимент, стратегии включения, покаяния, психологической разрядки [2, 85–87].

Критическое отношение к себе можно выразить употреблением существительных (а) и прилагательных с негативной семантикой (b), (c) в функции определения или предикатива, а также признанием собственной вины (d):

- a) “... *Ich bitte Sie und Ihre Frau sehr um Entschuldigung – sagen Sie ihr bitte, dass ich Schizophrene bin.*” [6, 52].
– ... *Прошу прощения у вас и у вашей жены – скажите ей, что я шизофреник.* [7, 291–292].
- b) “*Schelten Sie nicht!*”, *bat ich. “Ich weiß schon, dass ich verrückt bin.”* [6, 56].
– *Не бранитесь!* – *попросил я.* – *Я же знаю, что я сумасшедший.* [7, 297].
- c) “*Bei mir nicht. Ich bin oberflächlich und leichtsinnig.*”
“*Ich auch.*” [8, 154].
– *Но только не у меня. Я человек поверхностный и легкомысленный.*
– *Я тоже.* [9, 160].
- d) *Ich sagte: “Es war mein Fehler – nicht Ihrer – verzeihen Sie mir.”* [4, 198].
– *Это моя вина, – сказал я, – ...не ваша... простите меня.* [5, 235].

В следующем примере самокритика выражена при помощи сравнения себя с личностью собеседника. Адресант, противопоставляя себя адресату, делает ему комплимент и характеризует себя с противоположной стороны:

“*Stefan strahlte. “Du kannst so schön lachen”, sagte er begeistert. “Ich habe gern, wenn einer gut lachen kann. Ich werde zu leicht traurig, das ist mein Fehler.”* [8, 366].

Стефан сиял.

– *Ты так хорошо смеешься, – восхищенно сказал он, – вот за это люблю. А я чаще грущу, это мой недостаток.* [9, 405].

Использование стратегии выражения сожаления посредством *leider* (к сожалению) смягчает самокритичное замечание в свой адрес. К тому же адресат использует также смягчающую оговорку, а именно делает ссылку на авторитет, в частности на Гете, оправдывая тем самым свою дурную привычку:

“*Da haben Sie Recht*”, *gab ich zu. “Es ist leider eine Gewohnheit, ein Laster von mir, mich immer für den möglichst krassen Ausdruck zu entscheiden, was übrigens Goethe in seinen guten Stunden auch getan hat.”* [6, 52].

... *ее муж ... сказал мне.*

– Тут вы правы, – признал я. – К сожалению, это моя привычка, мой порок – выбирать всегда как можно более резкие выражения, что, кстати, делал и Гете в лучшие свои часы. [7, 291–292].

Что касается реакции адресата на похвалу или комплимент, то он в соответствии с максимальной скромности обязан либо отклонить одобрительное замечание адресанта (а), либо преуменьшить свои качества (b):

a) *“Sag mal, Rosa, was hältst du eigentlich von der Liebe?” fragte ich. “Du verstehst doch was davon.”*

Sie brach in ein schallendes Gelächter aus. “Hör auf damit”, sagte sie dann. [8, 111].

– Скажи-ка, Роза, а что, собственно, ты думаешь о любви? – спросил я. – Ведь ты в этих делах разбираешься.

Она рассмеялась звонким, раскатистым смехом.

– Ах, перестань, – сказала она, отсмеявшись. [9, 109].

b) *“Sie haben ein glänzendes Gedächtnis”, sagte ich.*

“Für Zahlen. Nur für Zahlen. Leider.” [8, 201].

– У вас блестящая память, – сказал я.

– На цифры. Только на цифры. К сожалению [9, 215].

Одним из способов преуменьшения своих качеств и заслуг является выражение сомнения в истинности комплимента:

“Du, verstehst was von solchen Sachen, Robert. Wirst mal ein guter Ehemann.”

“Na, na”, sagte ich zweifelnd. [8, 41].

– Ты-то знаешь толк в подобных вещах, Роберт. Будешь когда-нибудь хорошим отцом.

– Как же, как же, – проговорил я с сомнением. [9, 28].

В следующем примере согласие адресата с высказыванием адресанта выражено в шуточной форме. Шутливое сравнение имплицитно выражает несоответствие комплимента истине, тем самым, адресат соблюдает требования максимы скромности:

“Nein. Höchstens bei mir zu langsam. Ich bin oft etwas langsam, Pat.”

Sie lächelte. “Langsam ist fest. Und fest ist gut.”

“Ich bin so fest wie ein Knork auf dem Wasser”, sagte ich. [8, 252].

– Нет. Это я слишком медлителен. Я медлительный человек, Пат.

Она улыбнулась.

– Что медленно, то прочно. А что прочно, то всегда хорошо.

– Да уж я прочен, как пробка на воде, – сказал я. [9, 274].

Неоднозначным в плане определения максимы вежливости является отклонение благодарности адресатом в ответ на выражение адресантом своей признательности за оказанную адресатом услугу. На наш взгляд, стратегия отклонения благодарности во многих случаях направлена на аннигиляцию заслуг адресата, имплицитную легкость выполнения той или иной услуги. Средствами вербализации стратегии отклонения служат устойчивые конструкции *не стоит (благодарности)* (*gern geschehen, macht nichts*) (a), (b), *не за что* (*nichts zu danken*) (c):

- a) *“Danke, Herr Stabschef”, sagte Oskar. “Bitte, Parteigenosse, gern geschehen”, antwortete Proell. [10, 270].*
 - *Благодарю вас, господин начальник штаба, – сказал Оскар.*
 - *Пожалуйста, не стоит благодарности, – ответил Проэль. [11, 229].*
- b) *«Prima», sagte ich, «also vielen Dank?»*
«Macht nichts», sagte sie, «auf Wiedersehen.» [12, 156].
 - *Замечательная, – сказал я, – большое спасибо.*
 - *Не стоит, – сказала она, – до свидания. [13, 394].*
- c) *Ich gab ihm fünfzehn Mark, sagte: «Vielen Dank auch», und er sagte: «Oh, nichts zu danken» [12, 181].*
Я дала ему пятнадцать марок.
 - *Большое вам спасибо.*
 - *О, не за что, – ответил он. [13, 412].*

Подводя итог о функционировании максимы скромности в речевом общении немцев и русских, отметим, что требования данной максимы одинаково соблюдаются в обеих культурах как адресантом, так и самим адресатом. В связи с этим актуальной становится выведенная Л. А. Азнабаевой максима скромности для адресата, предписывающая ему редуцировать или вовсе отклонять свои качества и заслуги. Что касается максимы скромности, регулирующей речевое поведение адресанта, необходимо подчеркнуть, что в соответствии с ней адресант обязан либо полностью отказаться от выражения похвалы в свой адрес, либо минимизировать ее, используя при этом прилагательные с нейтральной семантикой в функции определения или предикатива. Вторая субмаксима предполагает употребления самокритичных высказываний. При этом самокритика, на наш взгляд, должна выражаться в разумных пределах с использованием стратегий смягчения и отклонения, поскольку в противном случае «человек, который постоянно ищет повода для самоуничижения, быстро надоедает и его считают неискренним. При этом нарушается максима качества (правдивости) Принципа Сотрудничества, что и удерживает нас от чрезмерной скромности» [цит. по: 2, 138].

Литература

1. Leech G. N. Principles of Pragmatics, London, New York, 1983. 250 p.
2. Азнабаева Л. А. Принцип вежливости в английском диалоге: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 198 с.
3. Городецкая Л. А. Культурно обусловленные ритуалы общения: обязательность соблюдения и возможность нарушения // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №2. С. 49–59.
4. Böll H. Ansichten eines Clowns. Roman. 21. Auflage. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1997. 240 S.
5. Белль Г. Глазами клоуна: Роман, повести / Пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 416 с.
6. Гессе Г. Степной волк = Der Steppenwolf / Н. Hesse; сокращ. текст, упражнения, коммент. Н. П. Агуреевой. М.: Айрис-пресс, 2005. 176 с.
7. Гессе Г. Степной волк. Пер. С. Апта // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М.: АО Изд. группа «Прогресс» – «Литера»; Харьков: Фолио, 1994. С. 223–401.
8. Remarque E. M. Drei Kameraden. Roman. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 454 S.
9. Ремарк Э. М. Три товарища: Роман / Пер. с нем. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 496 с.
10. Feuchtwanger L. Die Brüder Lautensack: Roman. Greifenverlag zu Rudolstadt. 1956. 346 S.
11. Фейхтвангер Л. Братья Лаутензаки. Роман. М.: Худож. лит., 1977. 126 с.
12. Böll H. Und sagte kein einziges Wort: Roman. Moskau: Verlag "Hochschule", 1966. 384 S.
13. Белль Г. И не сказал ни единого слова: Перевод Д. Мельникова и Л. Черной // Белль Г. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 289–429.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой и французской филологии БашГУ
(докт. филол. наук, проф. Р. Г. Гатауллин)

Methods to implement a maxim of modesty in German and Russian linguocultures

R. A. Gazizov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: fund-lingua@rambler.ru

The article analyzes the main politeness strategies, with the help of which the maxim of modesty functions. It regulates the communicative behavior of the addresser and addressee in German and Russian linguocultures when expressing praise and self-criticism. The article reveals the most common means of verbalizing communicative politeness strategies that aim at minimizing self-praise and expressing moderate self-criticism both from the addresser and addressee.

Keywords: maxim of modesty, strategy of politeness, addressee, addresser, praise, self-criticism.